

Метафилософия и история философии

К проблеме институционального формирования философии

Тарас Александрович Шиян

канд. филос. наук, Фонд «Центр гуманитарных исследований», ст. научн. сотр.
taras_a_shiyan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема возникновения философии. Автор связывает решение этой проблемы с онтологической проблематикой определения природы философии и науки. В статье философия, наука и их устоявшиеся дисциплины рассматриваются как области, сферы деятельности, социальной жизни, что трактуется как один из видов социальных институтов. Для решения вопроса о существовании в некоторой культуре такого социального института вводится ряд критериев: наличие соответствующего коллективного сознания, проявленного в лексике, понятиях и текстах, наличие специфических групп и институций и т.д. Опираясь на эти критерии, автор выдвигает тезис, что философия как социальный институт возникает в Древней Греции в первой половине IV в. до н.э. в ходе полемики конкурирующих школ Исократ и Платона. В завершение статьи рассматривается система фактов, говорящая в поддержку этого тезиса.

Ключевые слова: история философии, метафилософия, природа философии, институциональный подход, социальный институт, сфера деятельности, критерий институционализации, возникновение философии, античность, Древняя Греция, Пифагор, Платон, Исократ.

On the problem of institutional formation of philosophy

Taras A. Shiyan

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow at Foundation “Center for Humanitarian Studies”
taras_a_shiyan@mail.ru

Abstract: The article deals with the problem of the origin of philosophy. The author considers the solution of this problem with the ontological problems of determining the nature of philosophy and science. The article treats philosophy, science and their established disciplines as fields, spheres of activity, and social life, which is interpreted as one of the types of social institutions. To solve the question of the existence of such a social institution in some culture, a number of criteria are introduced: the presence of an appropriate collective consciousness manifested in vocabulary, texts and concepts, the presence of specific groups and institutions, etc. Based on these criteria, the author puts forward the thesis that philosophy as a social institution arose in Ancient Greece in the first half of the IV century BC during the polemic of the competing schools of Isocrates and Plato. In conclusion of the article a system of facts is considered that speaks in support of this thesis.

Keywords: history of philosophy, metaphilosophy, nature of philosophy, institutional approach, social institution, field of activity, criterion of institutionalization, the genesis of philosophy, antiquity, Ancient Greece, Pythagoras, Plato, Isocrates.

© Т.А. Шиян (Москва). taras_a_shiyan@mail.ru. Фонд «Центр гуманитарных исследований». Южный Полюс 12 (2) (2024) DOI: 10.18522/2415-8682-2024-12-55-72

Введение. О природе философии и науки. В отличие от многих других исследовательских областей, в философии метадисциплинарные вопросы о своем собственном определении и генезисе относятся к собственной же ядерной проблематике. При этом, решение проблемы формирования философии, той или иной философской или научной дисциплины (например, логики или математики), науки в целом обуславливается принимаемым определением, поскольку, обсуждая или упоминая одни и те же элементы философии (или науки), исследователи нередко подразумевают под «философией» («наукой») объекты совершенно разных типов.

Обобщая представленные в литературе подходы, можно выделить следующие четыре типа объектов: знание, совокупность (собрание, система) знаний, вид деятельности, область (сфера) деятельности. Например, в случае математики понимание ее как *знания* (о точных количествах и счете) заставляет фиксировать ее наличие в любом человеческом сообществе, в том числе и в сообществах первобытного типа (вероятно, задолго до появления собственно *homo sapiens sapiens*). Понимание математики как *совокупности* (собрания) знаний о счете и вычислениях относит ее возникновение к цивилизациям так называемого речного типа (Древний Египет, государства Месопотамии, современный им Китай и др.). Эти цивилизации формируются по мере возникновения крупных региональных систем ирригационного земледелия, создание и функционирование которых требует решения задач массового учета производства и перераспределения ресурсов. В связи с этим не только развиваются навыки счета и вычислений, но и возникает письмо и сословие профессиональных писцов-управленцев, являвшееся носителем этих навыков и построенных на них первых собраний знаний. Именно в связи с необходимостью подготовки писцов возникают учебные пособия по решению типовых счетно-вычислительных задач, фиксирующие основные общественно необходимые знания в этой области. Такие собрания «математических» знаний содержатся в Московском папирусе и в папирусе Ринда (сами папирусы 1-й пол. II тыс. до н.э., формирование содержания предположительно относится к кон. III тыс. до н.э.), ряде клинописных табличек и т.д. [1; 2]. Понимание математики как особого *вида деятельности*, на мой взгляд, соотносится с формированием в Древней Греции дедуктивно систематизированного знания о геометрических фигурах и сопутствующих вычислениях. Греческая традиция связывала начало дедуктивного построения геометрии с именами Фалеса и Пифагора (VI – нач. V вв. до н.э.). Формирование математики как особой *области занятий* нуждается в отдельном рассмотрении. На мой взгляд, этот процесс связан с формированием в рамках древнегреческого платонизма особого образовательного цикла, ассоциировавшегося с пифагореизмом и на латинской почве (после Бозция) получившего название «*quadrivium*».

В рамках методологической установки на формулирование понятия и построение определений философии, науки и их дисциплин такое указание на тип выделяемых объектов выступает родовой характеристикой, или отнесением к роду [3], и является первым шагом формулирования понятия и построения определения. Только относительно уже зафиксированного «рода» могут быть выделены те или иные «видовые признаки». При этом, в методологически грамотно построенном понятии (или определении) родовая характеристика должна прояснять способ существования объекта¹.

Если исходить из несения родовой характеристикой онтологической нагрузки, то понимание философии, науки, их дисциплин как знания, как совокупности знаний, как вида деятельности должно быть либо фундировано принятием ряда идеалистических допущений², либо отброшено. С моей точки зрения, *знание* может принять характеристику

---

¹Традиционное требование указания в определении только «ближайшего рода» подразумевает наличие некоторой заранее зафиксированной иерархии «родов» и, соответственно, типов сущего. Это возможно только внутри некоторого развитого знаниевого контекста, например, в контексте теории или целостного философского мировоззрения.

²Для случая трактовки философии и науки как «знания» эти предпосылки проанализированы в: [4].

научного или философского только внутри определенной системы деятельности (научной или философской, соответственно). Точно также те или иные *собрания знаний* формировались внутри некоторых систем деятельности для решения их внутренних задач. Аналогично *виды деятельности* формируются и существуют только в рамках той или иной системы деятельности. Говоря же о *сфере, области деятельности* мы имеем в виду как раз некоторую систему деятельности, рассматриваемую с точки зрения формируемого ею деятельностно-коммуникативного социального пространства. Тип социальных систем, к которым принадлежат философия, наука, их дисциплины (и некоторые иные явления культуры) я рассматриваю как особого вида социальные институты. При желании можно говорить об институциализированных областях, сферах деятельности.

Таким образом, в вопросе о понимании философии и науки (и их дисциплин) я придерживаюсь варианта институционального подхода, а именно трактую их как некоторые устоявшиеся (институциализированные) области, сферы деятельности. Но прояснение природы философии и науки не решает базовой историко-культурной проблемы выяснения, существует ли в данной культуре в данное время философия (наука) или же не существует? Соответственно, для решения этой задачи необходимо обращение к дополнительным признакам и критериям, выбор которых обуславливается уже принятой онтологической характеристикой философии (науки).

О критериях институциализации. Философия (наука, логика, математика и т.п.) как области, сферы социальной жизни, деятельности формируется вместе с коллективным сознанием, что вот это вот явление относится к данной сфере, а вон то вот – нет (хотя границы сфер, безусловно, могут быть размыты и до какой-то степени субъективны). Правда, явление коллективного сознания также не наблюдается непосредственно, но оно невозможно без появления специальной лексики: названия данной области деятельности, названия людей, в нее вовлеченных, соответствующего названия явлений из этой области и т.д. При этом, все эти названия сами по себе не указывают однозначно на наличие в культуре такой институциализированной области³. Иными словами, наличие социального института оставляет в письменных культурах массовые следы соответствующей лексики, фразеологии, текстов, сюжетов, нарративов, но сами эти следы не указывают однозначно на наличие социального института или целостного явления, поэтому мы должны учитывать целый комплекс дополнительных критериев и признаков и их взаимосвязи.

Более сильный критерий – наличие не только лексики и фразеологии, но и соответствующих специфических понятий, выделяющих особый вид деятельности и область такой деятельности. Возьмем к примеру известный античный анекдот, восходящий к диалогу Гераклида Понтийского «О бездыханной», в котором Пифагор вводит понятие философа как человека, ведущего особый образ жизни (стремящегося к особой цели). Эта история также может иметь только ограниченное применение. Во-первых, здесь Пифагор (как персонаж этого анекдота) дает определение «философа», то есть некоторого отдельного человека, что само по себе не указывает на наличие «философии» как социального института (в зафиксированном выше смысле). К примеру, можно определить понятие преступника как человека, совершившего преступное деяние. Но преступности как особой сферы деятельности людей в принципе не может существовать. Так что этот анекдот о Пифагоре может трактоваться как свидетельство возникновения концепта философии только в некотором более широком историческом и культурном контексте. Во-вторых, наличие зафиксированного авторского термина и соответствующего ему понятия не

---

³ Например, используются вполне осмысленно и конкретно такие слова и выражения, как «преступник», «преступление», «преступность», «виды преступной деятельности», «преступные организации» и т.д. Существуют и соответствующие этим терминам объекты и явления. Но преступности как некоторой особой единой области, сферы деятельности, социальной жизни не только не существует, но и не может существовать, поскольку преступность – это не некоторая однородная деятельность, а нарушения норм в различных, напрямую не связанных областях, сферах деятельности.

указывает само по себе на наличие в культуре, к которой принадлежит данный автор, соответствующей области, сферы социальной жизни. Как, например, в случае «тектологии» Александра Богданова, «философии» В.В. Мархинина [5] и т.п. Даже в случае термина «кибернетика», введенного Н. Винером в качестве обозначения особой науки и широко подхваченного в то время, сомнительно, можно ли говорить сегодня о существовании «кибернетики» в качестве особой институционализированной сферы, области научной (или иной) деятельности? В-третьих, эта история о Пифагоре может выступать критерием чего-то только в отношении к периоду распространения самой этой истории, то есть после Гераклида Понтийского.

Третий момент, который может указывать на совершившуюся институционализацию некоторой деятельности в отдельную область, сферу деятельности, это наличие соответствующих сообществ и институций. Этот критерий также является косвенным и недостаточным. Область, сфера социальной жизни, деятельности формируется взаимодействием отдельных людей, которые с целью и в ходе осуществления данной деятельности образуют различные неформальные сообщества и формальные объединения (институции). Здесь также далеко не все однозначно. Например, можно ли деятельность двух групп или объединений считать одинаковой и, соответственно, относящейся к одному социальному институту, как в случае школ Исократа и Платона в Афинах? Или при сравнении «школы» Платона и различных религиозных объединений? Всплывающая здесь проблема даже шире: можно ли деятельность кельтских друидов (египетских жрецов, персидских магов, вавилонских халдеев) считать одинаковой с деятельностью греческих философов, как это, согласно Диогену Лаэртскому, считали некоторые греки (DL I 1–2; [6])? А можно ли те или иные группы китайских или индийских интеллектуалов древнего мира отождествлять с греческими философами, а область их деятельности – с греческой «философией»? С другой стороны, наличие нескольких различных между собой специальных заведений не говорит, что каждое из них относится к своей отдельной области деятельности. Возможно, что они совместно как раз и формируют общую сферу деятельности.

Таким образом, наличие в некоторой отдаленной культуре определенного социального института в виде устоявшейся области деятельности, социальной жизни оставляет множество следов знакового, текстового, социального и т.п. характера. Но ни один из них не может быть достаточным критерием существования в данной культуре соответствующего социального института. Наличные «следы» нуждаются в критической интерпретации и комплексном рассмотрении.

Возникновение философии как социального института: экспозиция. Опираясь на описанные выше методологические подходы к исследованию философии и науки, рассмотрим проблему институционального оформления философии в Древней Греции. Моя позиция по этой проблеме следующая: *философия (как социальный институт) формируется в первой половине IV в. до н.э. в Афинах в ходе конкуренции «философских» школ Исократа и Платона.*

На мой взгляд, такую же позицию фактически занимает Пьер Адо в книге «Что такое античная философия?» [7], хотя и не формулирует ее в явном виде. По крайней мере, приводимые им факты в контексте описанного выше институционального подхода приводят именно к этой точке зрения на возникновение философии. Возможно, в описании этого процесса Адо отводит чрезмерно большую роль Сократу с его «заботой о себе». Но со своей точки зрения, т.е. изучения становления этической проблематики и культивирования себя как базовой деятельности античной философии, Адо прав.

В плане же институционализации философии роль Сократа, по всей видимости, была ничтожна. По мнению значительной части современных исследователей, современники

Сократа не отличали его и его преподающих друзей (например, Антисфена) от софистов⁴. Да и сам термин «сократики» возникает существенно позже: он не встречается не только при жизни Сократа, но и при жизни Платона⁵. Таким образом, с точки зрения критерия общественного, коллективного сознания, получается, что, во-первых, участников «группы Сократа» относили к софистам, во-вторых, не выделяли в отдельное течение даже внутри софистов. То есть в общественном сознании афинских жителей второй половины V в. до н.э. философов-сократиков не существовало ни как особой группы или течения среди софистов, ни как течения противоположного софистике, как это изображал Платон в своих диалогах.

В статье 1960 г. «*Platon oder Pythagoras? Zum Ursprung des Wortes "Philosophie"*» Вальтер Буркерт (Burkert) приписывает изобретение слова «философия» Платону [11]. Буркерт анализирует сохранившиеся следы и поздние свидетельства употребления слов словообразовательного гнезда «философ-» в доплатоновское время. Он показывает, что они недостоверны (как упоминавшийся анекдот об изобретении слова «философ» Пифагором) или же не демонстрируют особого понимания слова гнезда «философ-». На эту статью ссылается Адо в [7, с. 30, прим. 1] и повторяет ряд его аргументов.

В формировании своей позиции я исходил из двух положений, обобщающих позиции Буркерта, Адо и ряда других авторов и принимаемых мной здесь в качестве исторических фактов.

1. В первой половине IV в. до н.э. в Афинах существовало, по крайней мере, две школы, называвших себя философскими, их лидеры в явном виде задавали свои особые интерпретации философии, а слово «философ» начинает использоваться и сторонними авторами, не связанными напрямую с этими школами.

2. От доплатоновского периода до нас не дошло достоверных свидетельств использования греками слов «философ» или «философия», а несколько достоверных примеров употребления слов словообразовательного гнезда «философ-» не позволяют говорить о каком-то особом, нетривиальном понимании этих слов, выходящем за рамки конструктивных значений, порожденных механизмом словообразования.

Первое положение указывает на время, когда существование философии оставляет массовые и уже достоверные следы. Второе положение указывает на значительную вероятность отсутствия философии как осознанного особого вида деятельности и, тем более, как особой области, сферы социальной жизни. Второе положение носит негативный характер и в силу этого его трудней обосновать. Свидетельства, которые нужно рассмотреть для обоснования второго положения, я бы разбил на три группы. Во-первых, это три случая использования слов словообразовательного гнезда «философ-» авторами трех дошедших до нас полных текстов. Во-вторых, это комплекс свидетельств, относящихся к Пифагору и пифагореизму. В-третьих, это отдельные свидетельства использования слов гнезда «философ-» в доплатоновское время, дошедшие до нас в пересказе или «цитировании». Все эти свидетельства критически проанализированы в [11] и [7, с. 30–32]. Далее я рассмотрю факты, обобщенные в первом положении, а также первые две группы свидетельств, связанных со вторым положением. Вопрос о конкуренции школ Исократ и Платона хорошо известен и не подвергается сомнению⁶, в силу чего я его здесь опущу.

⁴ Эта тематика обсуждается в [8] и во многих статьях сборника [9]. Античным примером отнесения Сократа к софистам является комедия Аристофана «Облака» [10]

⁵ См. также в [8] и [9].

⁶ Приведу для примера один из пассажей Платона, направленных против риторики и, вероятно, против Исократ: «Да и не довелось им ... стать благодарными слушателями прекрасных и благородных рассуждений, усердно и всеми средствами доискивающих истины ради познания и ничего общего не имеющих с чванными препирательствами ради славы или из-за соперничества в судах и при личном общении» (VI 499a; цит. по: [12, с. 279]).

О формировании организационных форм философии. Возникновение социального института не происходит одновременно. Многие формы, получающие институциональное оформление в рамках новой области, сферы деятельности, складываются задолго до появления этой области. Например, то, что сегодня трактуется как *научные журналы*, впервые появляется во Франции и Англии в 60-х гг. XVII в. и достаточно быстро реплицируется в других странах Европы [13, с. 56; 14, с. 55]. «Академии» и «высшие школы» по различным областям знания в значительном числе возникают во Франции в XVII–XVIII вв. [13, с. 92, 118]. Однако и в начале XX в. подготовка ученых в большинстве европейских стран шла на философских факультетах [14, с. 69; 15, с. 29]. А именно этот фактор является ключевым для формирования коллективного сознания. То есть, в этот период не существовало четкой границы между «наукой» и «философией». Отсюда, вероятно, и массовая критика «метафизики», под которой идеологами науки понималась часть «философии», отличная от становящейся и ищущей самоосмысления и самообоснования науки. Следы формирования науки в институциональных рамках философии до сих пор еще встречаются в виде англоязычных названий высших научных степеней (PhD in Chemistry, PhD in History и т.п.)⁷.

Безусловно, и элементы будущей «философии» формировались в Греции постепенно. Так, формирование исследовательской деятельности⁸, ставшей одной из главных компонент (вместе с «заботой о себе») будущих «философских» занятий, начинается, вероятно, с «семи мудрецов» (собственно, с Фалеса), что и нашло отражение в более поздней античной традиции, представленной в книге Диогена Лаэртского [6].

В этот период возникают некоторые школы как идейные традиции, преемственности. Например, милетская и элейская школы могут быть названы школами, видимо, только в таком смысле. Организационные формы пифагорейской школы (как идейной традиции) являются спорными. Но, видимо, некоторые формы школы как учебного пространства в пифагореизме формируются [17, с. 45; 8, с. 32–37].

Хотя в целом в становление преподавательской деятельности и специальных учебных заведений важный вклад внесли пифагорейцы и софисты, думаю, что доминирующие в истории философии представления об истории образования несколько искажены. Историческим фактом является *более раннее* существование профессиональных учителей и учебных заведений (гимнасиев) в области атлетической подготовки. Институционализация и профессионализация в области атлетического образования нуждается в предшествующей реконструкции. Институциональные формы атлетического образования были тем контекстом, в рамках или на фоне которого шло становление образования мусического. Мусическое образование долго тяготело к гимназиям: нередко в них преподавали софисты (например, Антисфен – в Киносарге), близ гимнасиев Академии и Ликей создают свои философские школы Платон и Аристотель.

Кроме того, преподавание нередко проходило в частных домах. Это, вероятно, справедливо для ранних пифагорейцев. Нередко так проводили занятия софисты (такая встреча описана Платоном в диалоге «Протагор» [18]). Вероятно, что ранняя философская школа формально была просто местом проживания схоларха, который принимал гостей и проводил с ними досуг. На такой частный характер, на мой взгляд, вполне однозначно указывает завещание Эпикура (DL X 16–21; [6, с. 373–374]), которому, по крайней мере, не противоречат более ранние завещания Платона (DL III 41–43; [6, с. 148]), Аристотеля (DL V 11–16; [6, с. 191–192]) и других ранних схолархов «Академии» и «Ликей» [6; 19]. Нужно заметить, что греки знали и частные коллективные формы владения, например, культовые сообщества (κοινῆ) оргеонов [20, с. 210–215]. Содружества оргеонов, формировавшиеся при негосударственных храмах, имели статус, соответствующий современным юридическим

⁷ Об институциональном отделении науки от философии см. в [14], а также в [15; 16].

⁸ Первым ее названием, видимо, становится «ιστορία» – исследование [7, с. 24–25].

лицам, могли приобретать имущество и землю, могли сдавать свою недвижимость в аренду, а управлялись коллективными решениями общего собрания членов или специально выбранными для той или иной цели представителями. И хотя, согласно традиции, на территории школ «Академия» и «Ликей» располагались алтари Муз (музейоны), сохранившиеся завещания, на мой взгляд, указывают на индивидуальный, а не коллективно-культовый характер имущественного владения. Впрочем, полностью исключать такой вариант пока нельзя.

Поскольку, согласно традиции, классические софисты преподавали в чужих полисах, где они не могли владеть землей, то учитель-софист либо проживал и вел занятия у кого-то из знакомых (как это описано в «Протагоре» Платона [18]), либо снимал для этого помещение, либо использовал общественные пространства (например, портик или гимнасий).

О временных границах возникновения философии. Во второй половине IV в. до н.э. видимо можно уже достаточно уверенно говорить о существовании философии как социального института. Помимо школ Исократ в Афинах и Платона возле Академии возникают другие философские школы и течения с регулярным преподаванием: в 347 г. до н.э. Ксенократ, выполняя по поручению Платона просьбу тирана города Ассос, создает там школу по образцу «Академии»; ок. 335–334 г. до н.э. Аристотель создает школу возле Ликея, также по образцу «Академии», но с иной программой преподавания; в 308 г. до н.э. в Пёстром портике (ἡ ποικίλη στοά) в Афинах начинает преподавать свой вариант философии финикиец-киприот Зенон из Китиона; Эпикур создает школу в Митилене, потом в Лампсаке, а в 306 г. до н.э. приобретает участок с садом и домом в Афинах, на территории которого обосновывается коммуна его друзей и учеников. Слова «философия» и «философ» приобретают уже широкое хождение для обозначения особого стиля жизни и ведущих его людей.

С другой стороны, в нашем распоряжении нет фактов, говоривших бы о хождении в V в. до н.э. слов «философия» и «философ». До нас дошли только три доплатоновских текста, в которых по разу употребляются слова словообразовательного гнезда «φιλόσοφ-» (дважды – глагол, в исторических трудах Геродота и Фукидида, один раз – прилагательное, в хвалебной речи Елене Спартанской софиста Горгия) и несколько поздних послеплатоновских свидетельств. К словоупотреблению Геродота примыкает фрагмент DK 35, приписываемый Геракиту Эфесскому и включающий прилагательное той же основы. Помимо этого, имеется ряд свидетельств, относящихся к изобретению слова «философ» Пифагором⁹.

Я примыкаю к мнению Буркерта и Адо, что ни одно из этих свидетельств не может рассматриваться как указание на существование некоторого представления о философии как некоторой особой формы деятельности, тем более как социального института. При этом, только комплекс свидетельств, приписывающих изобретение слова «философ» Пифагору (и придание ему особого значения), может говорить о формировании философии как некоего особого занятия или образа жизни, но эти свидетельства явно сводятся к платонистической трактовке философии. Наиболее важные из «пифагорейских» свидетельств я разберу в заключение статьи.

Геродот в «Истории» (I, 30, 2) описывает беседу Крѐза с Солоном, в которой Крѐз говорит: «Мы много уже наслышаны о твоей мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости и чтобы повидать свет объездил много стран» [21, с. 15] («παρ' ἡμέας γὰρ περὶ σέο λόγος ἀπικταὶ πολλὸς καὶ σοφίης εἶνεκεν τῆς σῆς καὶ πλάνης, ὡς φιλοσοφῶν γῆν πολλὴν θεωρίης εἶνεκεν ἐπελήλυθας» [22]). Здесь Солон характеризуется как известный своей σοφία, любя которую (φιλοσοφῶν) он объездил, осматривая, многие земли. То есть здесь σοφία ставится в зависимость от знания жизни, получаемого путем путешествий и

---

⁹ Анализируются в [11].

наблюдений за жизнью людей (в силу чего от Солона и можно ожидать ответа на вопрос о счастливом человеке).

К этому пониманию «φιλόσοφ-», на мой взгляд, примыкает и знаменитый фрагмент DK 35 (по: [23]) Гераклита Эфесского, о подлинности которого высказываются сомнения (см., например, [7, с. 30, прим. 2]). Этот фрагмент извлечен из «Стромат» Климента Александрийского (V, 140, 5): «[Эмпедокл] великолепно выразил ту мысль, что знание и невежество составляют условия счастья, ибо чрезвычайно “многого знатоками должны быть любомудрые мужи” по Гераклиту и воистину [по Фокилиду¹⁰] необходимо “много скитаться тому, кто стать добронравным взыскует”» [24, с. 191, фр. 7(a)]. По-гречески ссылка на Гераклита выглядит так: «χρή γὰρ εὖ μάλα πολλῶν ἴστορας φιλοσόφους ἀνδρας εἶναι καθ' Ἡράκλειτον» [25].

Отметим три момента. Во-первых, здесь нет слова «философ», как иногда трактуют это место, речь идет о «φιλόσοφος ἀνδρός» – человеке (или муже), обладающим σοφία или склонном к получению и расширению σοφία. Во-вторых, быть «φιλόσοφος» ставится во взаимосвязь с тем, чтобы быть «ἴστωρ» – знатоком весьма многого (в одном из значений – знатоком многих законов, судьей [26]). В-третьих, принимая во внимание заключительную цитату из Фокилида, для того, чтобы стать таким «εὖ μάλα πολλῶν ἴστωρ» или «φιλόσοφος ἀνδρός», нужно много путешествовать. Таким образом, здесь «φιλόσοφος» нужно понимать как обладание некоторым знанием жизни, получаемым в результате путешествий, что перекликается с пониманием «σοφός» у Геродота (История, I, 30 2) и «φιλοσοφέω» как стремлением к или обладанием такой σοφία.

Вслед за Геродотом и Фукидид использует глагол «φιλοσοφέω» в своей «Истории Пелопонесской войны» (II, 40, 1), где Перикл в торжественной речи говорит от лица афинян: «Φιλοκαλοῦμέν τε γὰρ μετ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας» [27], или: «Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа» [28]. Я перевел бы здесь несколько иначе: «Мы стремимся к прекрасному без излишеств и мастерству (или знаниям) без изнеженности (или без слабостей)». В любом случае, здесь имеем риторический троп, построенный на параллелизме «φιλοκαλοῦμέν» и «φιλοσοφοῦμεν». Если бы глагол «φιλοσοφέω» имел здесь новое, выходящее за пределы задаваемого словообразованием значение, то параллелизм с «φιλοκαλέω» был бы невозможен.

В «Энкомии Елене» (13) Горгий говорит о трех видах речей, способных вводить в заблуждение, заставляя видеть то, чего нет, и не видеть того, что существует. Это речи «метеорологические» речи (о явлениях и телах небесных), речи в судах или в народных собраниях¹¹ и «философские речи» (прения, состязания «философских» речей: «φιλοσόφων λόγων ἀμίλλας» [30, с. 29])¹². Авторы комментария к этому месту в [30, с. 29], как и Адо в [7, с. 32] трактуют эту фразу как указание на публичные споры учителей красноречия (софистов), проводимые с целью демонстрации своих умений. Думаю, что здесь возможна и другая трактовка – указание на риторические упражнения «pro et contra», в ходе которых оратор должен был произнести две речи: одну с положительной оценкой указанного предмета, вторую – с отрицательной. Но независимо от интерпретации речь в «φιλοσόφων λόγων» очевидно идет не о выражении прилагательным функции *genetivus possessivus* (как

¹⁰ Вставка моя. – Т.Ш.

¹¹ Второй вариант приписывается Альдусу и принят в [29, с. 208]. В греч. тексте: «δεύτερον δὲ τοὺς ἀναγκαίους διὰ λόγων ἀγῶνας» [30, с. 29].

¹² Существуют разные интерпретации этого места. С одной стороны, в переводе этой речи С. Кондратьевым [31] вместо «прений философских речей» появляются «прения философов»: «в-третьих – из прений философов, где открываются и мысли быстрота, и языка острота: как быстро они заставляют менять доверие к мнению!» (цит. по: [29, с. 216]). С другой стороны, в издании фрагментов Горгия Маковецким [32], сделанном по изданию «Фрагментов досократиков» Дильса и Кранца [23] (согласно [29, с. 188, 207]), слово «философский» вообще отсутствует: «В-третьих же быстрота ума, с легкостью меняющая веру в (то или иное) мнение» (цит. по: [29, с. 209]).

синонима «речей философов»), а о речах, произносимых для демонстрации своей σοφία в красноречии или же для обретения/развития σοφία в этом деле. И в этом смысле речи направлены на σοφία, то есть являются «φιλόσοφος».

Как видим, все рассмотренные случаи использования в V в. до н.э. слов основы «φιλόσοφ-» не дают оснований считать, что они имеют некоторое нетривиальное лексическое значение, выходящее за рамки словообразования. В силу этого мы не можем, основываясь на этих случаях, говорить о существовании до IV в. до н.э. концепта философии как особого вида или особой области деятельности. Поскольку во второй половине IV в. до н.э. мы наблюдаем достаточно развитые признаки институционального существования философии, то ее институциализацию нужно искать в первой половине IV в. до н.э.

Философия в Афинах в первой половине IV в. до н.э. В свете изложенного подхода, хронологическая локализация возникновения философии относится к первой половине IV в. до н.э. Ок. 393 г. до н.э. в Афинах Исократ создает школу, в которой он начинает учить «философии» [33, с. 12; 34, с. 21]. Как позже Платон, Исократ не объявлял о своем изобретении философии, но иногда приписывал ее «открытие» всему полису: «Философия ... воспитала нас для общественной жизни и смягчила наши нравы; она научила нас отличать несчастья, вызванные невежеством, от вызванных необходимостью, одних – остерегаться, другие – мужественно переносить. Эта философия была открыта нашим городом» (Исократ. Панегирик, § 47; цит. по: [7, с. 65–66]). Исократ (возможно, впервые) задает смысл слова «философ»: «Так как не в природе человеческой обладать знанием (episteme), достигнув какого мы ведали бы, что надлежит делать или говорить, то в пределах возможного мудрецами (sophoi) почитаю я тех, которые благодаря своим догадкам в большинстве случаев способны прийти к правильному решению; философами же (philosophoi) я называю тех, что проводят время свое в занятиях, помогающих им как можно скорее приобрести такую способность суждения» (Исократ. Об обмене, § 271¹³; цит. по: [7, с. 66]). Здесь я хочу отметить несколько наблюдений и выводов из них.

Во-первых, как видим, Исократ – ученик софиста Горгия – связывает философию с обучением способности к рассуждению, что в контексте тогдашней культуры надо трактовать как обучение искусству красноречия: «В душе Исократ убежден, что можно стать лучше, изучая искусство говорить...» [33, с. 14]. В свете такой трактовки философии понятным становится обсуждавшееся выше место из Горгия о состязаниях «философских речей» – речей, создаваемых и произносимых ради овладения красноречием.

Во-вторых, понимание мудрости Исократом вполне традиционное: мудрец (σοφός) – тот, кто «в большинстве случаев способен прийти к правильному решению», то есть человек рассудительный и опытный в той области, о которой он должен вынести суждение или в которой должен принять решение. При этом, Исократ не отрицает наличие недоступной человеку божественной мудрости (знания), обозначаемой словом «ἡ ἐλιστήμη»: «не в природе человеческой обладать знанием (episteme), достигнув какого мы ведали бы, что надлежит делать или говорить».

В-третьих, из такого понимания «ὁ σοφός» и, следовательно, «ἡ σοφία» следует, что понимание Исократом слова «ὁ φιλόσοφος» более традиционно, чем пифагорейско-платоническое понимание. При этом, у Исократа уже присутствует дистанция между «ὁ φιλόσοφος» и «ὁ σοφός»: φιλόσοφος – тот, кто учится, чтобы стать σοφός. Но эта дистанция – не непреодолимая пропасть, как в пифагорейско-платоническом понимании, поскольку σοφία достижима, недостижимое человеком знание – ἐλιστήμη.

На основании всего вышесказанного можно выдвинуть следующие предположения:

1) Поскольку семантически исократовское понимание слова «философ» более традиционно, чем пифагорейско-платоническое, то, вероятно, оно появляется раньше

---

¹³ Согласно [33, с. 12], эта речь написана Исократом за 5–6 лет до смерти Платона, т.е. ок. 357 г. до н.э.

пифагорейско-платонического. Это является одним из аргументов против пифагорейской версии возникновения слов «философия» и «философ». Второе следствие отсюда, что Платон начинает эксплуатировать слово «философ», вероятно, после Исократ, а не до него.

2) Вероятно, что слово «философ» появляется (возможно впервые) у Горгия и его учеников.

Из этих двух выводов следует, что, хотя в силу риторической трактовки «философии» Исократом и контрпропаганды Платона и его последователей, еще в античности школа Исократ стала трактоваться как риторическая, а не философская, это в общем-то исторически не справедливо.

Не менее, чем на 6 лет позже Исократ, в 387 г. до н.э. (или позже¹⁴) близ Академии под Афинами Платон также создает школу, в которой также начинает обучать «философии». Словам «ὁ φιλόσοφος» и «ἡ φιλοσοφία» Платон также придает особый смысл, не вытекающий напрямую из их словообразования. Обычно концепцию философии Платона отождествляют с пониманием философии, обсуждаемым в диалоге «Пир» [35].

«Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Но не занимаются философией и не желают стать мудрыми опять-таки и невежды. Ведь тем-то и скверно невежество, что человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный вполне доволен собой. А кто не считает, что в чем-то нуждается, тот и не желает того, в чем, по его мнению, не испытывает нужды.

– Так кто же, Диотима, – спросил я, – стремится к мудрости, коль скоро ни мудрецы, ни невежды философией не занимаются?

– Ясно и ребенку, – отвечала она, – что занимаются ею те, кто находится посредине между мудрецами и невеждами, <...> а философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой»

(204a–b; цит. по: [35, с. 113–114]).

В такой трактовке платоновской концепции философии есть смысл, поскольку аналогичное понимание Платон высказывает и в ряде других диалогов. Например, в «Федре»: «Название мудреца, Федр, по-моему, для него слишком громко и пристало только богу. Любитель мудрости – философ или что-нибудь в этом роде – вот что больше ему подходит и более ладно звучит» (278 d; цит. по: [35, с. 190]). Также в «Лисиде»:

«те, кто уже мудры, не стремятся более к мудрости, боги они или люди. Не стремятся к ней и те, кого крайнее невежество делает плохими людьми: ни один дурной и невежественный человек не тяготеет к мудрости. Остаются те, в ком хоть и гнездится это зло – невежество, однако не делает их совсем неразумными и невежественными: они еще понимают, что не знают того, что им неизвестно. Поэтому-то стремится к мудрости тот, кто не хорош и не плох; плохие же люди к ней не стремятся и точно так же хорошие»

(218 a–b; цит. по: [18, с. 333–334]).

Высказанное в этих диалогах (в первую очередь, в «Пире») понимание философии соответствует пониманию, которое послеплатоновская традиция приписывала Пифагору.

В других диалогах Платон устами Сократа дает внешне иные определения, хотя по существу они связаны с этим базовым пониманием философии. Философ как тот, кто

---

¹⁴ Согласно И. Адо – между 387 и 361 гг. до н.э. [33, с. 12]

стремится к мудрости, познанию и истине упоминается и в «Государстве» (V 475–476, 480; VI 485 и др.), но при этом фактически философ понимается здесь как тот, кто стремится к *Благу самому по себе*, или к Благу как идее (в последующей терминологии): «то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага – причиной знания и познаваемости истины» (VI 508e; цит. по: [12, с. 291])¹⁵. В диалоге «Федон» философия, также трактуясь как стремление к созерцанию идей, раскрывается как умирание – стремление к отделению души от тела и отрешению ее от всего телесного, поскольку только в таком состоянии душа может созерцать идеи (64a–69d; [35, с. 14–21]).

Обширные обсуждения в диалогах Платона природы философии и практики философа, проявляющиеся в различных определениях, является, на мой взгляд, косвенным признаком того, что слова «философия» и «философ» были новинкой не имели общепризнанных особых, нетривиальных значений. Если бы слова «философия» и «философ» получили широкое хождение как название особого занятия, не было бы необходимости постоянно прояснять их специальный смысл. Более того, если бы было устоявшееся понимание этих слов, то их переопределение требовало бы упоминания и критики этого понимания. Мы не видим этого в диалогах Платона, в отличие от критики других слов, например, «софист» (см. диалог «Софист» [35]).

Как видим, во второй четверти IV в. до н.э. можно найти уже значительное число признаков, указывающих на формирование философии в качестве отдельной области социальной жизни: обильное использование слов «философия», «философ» и т.п. несколькими авторами, наличие нескольких альтернативных определений философии и философов, наличие нескольких институций, идентифицирующих себя как «философские», наличие людей, идентифицирующих себя в качестве философов и т.п. Более точная привязка требует обращения к хронологии создания соответствующих произведений Исократ и Платона, что при современном уровне знаний не представляется возможным.

Пифагорейская традиция. Наиболее сильная альтернативная версия институционального возникновения философии – «изобретение» философии Пифагором. Так, Диоген Лаэртский, рассматривая в начале своей книги различные версии возникновения философии, пишет (I, 12): «Философию философией, а себя философом впервые стал называть Пифагор, когда спорил в Сикионе с Леонтом, тираном Сикиона или Флиунта (как пишет Гераклид Понтийский в книге “О бездыханной женщине”); мудрецом же, по его словам, может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы философию называть “мудростью”, а упражняющегося в ней – “мудрецом”, как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ – это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости» [6, с. 58]. Этот же сюжет повторяет в «Исторической библиотеке» (X, 10, 1) Диодор Сицилийский (I в. до н.э.): «Пифагор называл свое учение философией (φιλοσοφία), а не мудростью (σοφία). Упрекая семерых мудрецов (как их прозвали до него), он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван философом» [24, с. 148, фр. 21a]. Существует и ряд других пересказов этой истории.

Как видим, в этих фрагментах высказывается некоторое специальное понимание слов «философия» и «философ». Это говорит, что в момент появления этой истории, а также у пересказывавших ее существовало на уровне сознания понимание философии как особого рода занятия (и философов как тех, кто этим занимается). Впрочем, само по себе это не говорит о произошедшей институционализации философии в особую область, сферу социальной жизни.

¹⁵ Ср. также: «Как ни прекрасно и то, и другое – познание и истина, но, если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав» (VI 508e; цит. по: [12, с. 291]); «Считай, что и познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование» (VI 509b; цит. по: [12, с. 291]).

Здесь уместно обратиться к социальной части. Античная традиция говорит о существовании некоторого пифагорейского общества, которое было достаточно разветвленно и одно время достаточно влиятельно на территории Великой Греции. К пифагорейцам античная традиция относил также элеатов (Парменида и Зенона), Эмпедокла, а позже и школу самого Платона. Если принять свидетельство об изобретении понятия философии Пифагором и свидетельства о существовании пифагорейского общества (хотя бы некоторого неформального сообщества пифагорейцев) как подлинные, то, наверняка, члены этого сообщества принимали пифагорово понимание философии как особого вида деятельности. В этом случае на протяжении всего V в. до н.э. существовала относительно широкая группа людей, которые практиковали некий особый образ жизни, занимались некими особыми занятиями, называя это философией, а себя – философами. То есть, с этой точки зрения, в рамках пифагорейского сообщества происходит первичная институционализация философии.

Оставим в стороне вопрос о существовании пифагорейского союза, как его описывали позднеантичные авторы (с клятвой, многолетним испытательным сроком, включавшим в себя обет молчания и т.д.), что вызывает сомнения у современных исследователей (см., например, [36]). Обсудим здесь сами свидетельства об изобретении философии и излагаемую в них концепцию философии.

Если обратить внимание на излагаемую концепцию философии, то не трудно заметить ее совпадение с концепцией философии, изложенной в платоновских диалогах «Пир» (203e – 204b), «Лисид» (218 a), «Федр» (278 d). В обоих вариантах понимания слова «φιλοσοφία» трансформируется понимание слов «φιλέω» и «σοφία»: σοφία из обозначения мастерства в некотором ремесле, практическом занятии [7, с. 32–37] становится названием трансцендентной человеку божественной мудрости, а φιλο-, в составных словах указывавшее на смежность, контакт, обыденность для человека предмета его склонности, начинает указывать на недостижимость для человека его предмета [11].

Само по себе такое совпадение в понимании «философии» Платоном и «Пифагором» может трактоваться двояко. С одной стороны, как свидетельство и следствие глубокого пифагореизма Платона, который принял для себя пифагоровскую концепцию философии, что хорошо согласуется с практикой в «Академии» культа муз по образцу пифагорейцев, который позже был воспроизведен и в «Ликее» Аристотеля [20]). С другой стороны, это можно трактовать и как гераклидову проекцию на Пифагора платоновской концепции философии, как считали В. Буркерт и П. Адо¹⁶. Я согласен с этим мнением, но в добавление к анализу Буркерта [11] выскажу в заключение статьи ряд своих соображений против подлинности пифагоровской гипотезы.

Первый косвенный аргумент сводится к обобщению уже изложенного. Все свидетельства об изобретении философии (и соответствующих слов) Пифагором сводятся к диалогу Гераклида или (некоторые поздние), возможно, к традиции платоновской школы, которую и представил Гераклид в своем диалоге (анализу этих свидетельств посвящена статья Буркерта [11]). При этом, как было рассмотрено выше, от доплатоновского времени до нас не дошли достоверные случаи использования слов ἡ φιλοσοφία и ὁ φιλόσοφος, тем более с новой, пифагорейско-платонической семантикой. В дошедших до нас случаях использования форм глагола φιλοσοφέω (Геродот I 30 и Фукидид II, 40, 1) они понимаются традиционно, а не пифагорейско-платонически, как и прилагательное φιλόσοφος в DK 35. Также ничто не указывает на пифагорейско-платоническое понимание прилагательного

---

¹⁶Например: «аргументом в пользу того, что Пифагора следует признавать создателем слова φιλοσοφία, остаётся (лишь) свидетельство Гераклида. Несмотря на все попытки не удастся найти ранние свидетельства, что слово φιλόσοφος является пифагорейским неологизмом» [11, с. 44]; «Слова, которые Гераклид вложил в уста Пифагору, в действительности являются творческой переработкой, органически вырастают из целого платоновского философствования» [11, с. 49]; «Я разделяю мнение В. Буркерта, что сообщение Гераклида Понтийского ... – это проецирование на Пифагора платоновского понятия philosophia» [7, с. 30, прим. 1].

φιλόσοφος в упоминавшейся речи Горгия (Похвала Елене 13). Скорее здесь можно усмотреть близость с исократовской концепцией философии. Во всех этих случаях нет указаний и на какое-либо иное специальное понимание, выходящее за пределы конструктивного смысла, задаваемого словообразованием. Все это вместе косвенно указывает на отсутствие в доплатоновское время специального, «пифагорейско-платонического» (или иного) понимания слов основы «φιλόσοφ-». Как, вероятно, и отсутствовали существительные «ἡ φιλοσοφία» и «ὁ φιλόσοφος».

Второй косвенный аргумент отсылает к использованию в пифагорейской среде других названий для своих занятий. Так, согласно «О пифагорейской жизни» (89) Ямвлиха (который, вероятно, ссылается на неизвестный доплатоновский источник): «Геометрию Пифагор называл «наукой» (ιστορία)» [24, с. 149, фр. 27]. Хотя Ямвлих сам по себе источник сомнительный, это сообщение согласуется с тем, что в Ионии слово «ἡ ιστορία» (ионийская форма того же слова) – исследование, изыскание – в VI–V вв. до н.э. использовалось для обозначения новой исследовательской деятельности, которая позже будет осмыслена греками как «философия» [7, с. 24–25]. Пифагор, родившийся и живший на Самосе, очевидно, знал это словоупотребление и вполне мог применять его к различным своим занятиям, в том числе и геометрии. От поздних пифагорейцев до нас доходит еще одно слово, обозначающее исследуемые пифагорейцами дисциплины (в том числе и геометрию). Архит (V–IV вв. до н.э.) называет своих предшественников-пифагорейцев, занимавшихся теми или иными исследованиями, – «те, кто имеет отношение к μαθήματα» (цит. по: [36, с. 54]): τὰ μαθήματα – мн. ч. от τὸ μάθημα – некоторая область знания, учебная дисциплина, то, что учат, чему обучают. Конечно, философия включает в себя много разных дисциплин, исследовательских предметов, называть ли их «ἡ ιστορία», «τὸ μάθημα» или как-то иначе. Но то, что в этих контекстах не появляются слова ἡ φιλοσοφία и ὁ φιλόσοφος, наводит на мысль об их отсутствии в языке тогдашних пифагорейцев. Кроме того, использование в одном и том же контексте ряда альтернативных, близких по смыслу слов (ἡ ιστορία, ἡ μάθημα) делает ненужным изобретение новых слов близкой семантики. И то, что эти альтернативные слова используются нетерминологически, также косвенно указывает на отсутствие в этой области специальных, терминологически определенных слов.

Использование слова «τὸ μάθημα» и однокоренных ему для обозначения своих занятий становится, видимо, традицией в среде пифагорейцев, но не несет понятийной нагрузки. Только в IV в. до н. э. термином «τὰ μαθήματα» стали обозначать по преимуществу четыре «пифагорейские» дисциплины (арифметику, геометрию, гармонику, астрономию), а слово «μαθηματικός» – способный или прилежный к учению – только поздним Платоном переосмысливается как «тот, кто занимается τὰ μαθήματα [в смысле четырех «пифагорейских» дисциплин – *Т.Ш.*]» [36, с. 54]. Если бы при создании пифагорейского течения слова «ἡ φιλοσοφία» или «ὁ φιλόσοφος» были в широком обороте, у пифагорейцев не было бы потребности в иных обозначениях своих занятий, или же под влиянием друг друга значения слов дифференцировались бы и пояснялись путем отличия одного от другого. В этом случае они часто употреблялись бы в связке, чего мы также не видим.

Сюда примыкает и ряд других фрагментов Гераклита, в первую очередь DK 40, приводимый Диогеном Лаэртским в своей книге (DL IX 1): «πολυμαθίη νόον ἔχειν οὐ διδάσκει· Ἠσιόδον γὰρ ἂν ἐδίδαξε καὶ Πυθαγόρην...» [25] («Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора...» [24, с. 195]). Здесь интересен ряд нюансов. Во-первых, здесь используется слово «ἡ πολυμαθίη» (аттич. «πολυμαθία») – многознание. Использование по отношению к Пифагору слова «πολυμαθία» хорошо согласуется с использованием поздними пифагорейцами слова «μάθημα», что косвенно поддерживает высказанную выше гипотезу, что использование «τὸ μάθημα» является устоявшимся в среде пифагорейцев словоупотреблением для обозначения дисциплин, которыми среди них было принято заниматься.

Еще одно применение слова «ἡ πολυμαθία» к Пифагору мы находим в фрагменте DK 129, также приведенном в книге Диогена (DL VIII 6): «Πυθαγόρης Μνησάρχου ἱστορίην ἤσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων καὶ ἐκλεξάμενος ταύτας τὰς συγγραφὰς ἐλοίησατο ἑαυτοῦ σοφίην, πολυμαθίην, κακοτεχνίην» [25] («Пифагор, Мнесархов сын, занимался собиранием сведений больше всех людей на свете и, понадергав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознание и мошенничество» [24, с. 196]). Из этого фрагмента можно предположить, что «πολυμαθία» имеет для Гераклита коннотацию книжного знания, что опять же согласуется со значением «τό μάθημα» – знание, которому можно научиться, обучиться. Отмечу также, что в этом фрагменте снова используется слово «ἱστορία» как обозначение различных сведений, но не эмпирических, а полученных из письменных текстов.

Упомяну еще несколько источников, связанных с пифагорейской гипотезой. Во-первых, существует еще ряд текстов, пересказывающих затронутый Гераклидом Понтийским сюжет с другой стороны, но не добавляющих ничего принципиально нового для анализируемого здесь вопроса (критику и обсуждение возможного первоисточника см. в: [11]). Например, фрагмент из книги Диогена Лаэртского (DL VIII, 8; [6, с. 309]) также имеет аналог в диалогах Платона (Государство, 581c), но опять без упоминания Пифагора.

Хотя Исократ в «Панегирике» приписывает изобретение философии афинянам, в «Бусирисе» [37] он говорит, что философию в Элладу принес Пифагор, обучившись ей у египтян: «Пифагор из Самоса ... прибывши в Египет и став их учеником, первым ввел в Элладу философию вообще и в особенности отличился рвением, с которым подвизался в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах» (Бусирис 28; цит. по: [24, с. 140, фр. 4]). Заметим, что здесь не только не упоминается соответствующий сюжет Гераклида Понтийского, но и вообще не дается какого-либо толкования слов «философия» или «философ». С учетом, что в «Бусирисе» имеются аллюзии к Платону (Бусирис 29 5–8; ссылка по: [8, с. 40]), это упоминание введения философии в Элладу именно Пифагором также вполне может иметь характер платонистической аллюзии и, соответственно, не может рассматриваться в качестве аргумента в пользу независимой от платонизма пифагорейской гипотезы. К тому же «философия» Пифагора здесь (как и в варварской версии возникновения философии у Диогена) рассматривается как синоним некоторой богослужебной, религиозной практики.

Таким образом, дошедшие до нас истории об *изобретении* философии и соответствующих слов Пифагором носят литературный характер и находятся в жесткой коннотации с многочисленными историями и рассуждениями, надежно атрибутированными Платону. При этом Платон нигде в этой связи не упоминает Пифагора, но все эти сюжеты тесно связаны с философской концепцией Платона в целом. Кроме того, все дошедшие упоминания изобретения философии Пифагором, могут интерпретироваться как восходящие к кругу Платона, а большинство из них – напрямую к упомянутому диалогу Гераклида Понтийского [11]. Все эти обстоятельства (кроме ссылок на Пифагора внутри рассказываемых историй) указывают на платоновский круг (Платона и Гераклида) как на источник истории об изобретении философии Пифагором.

Заключение. Рассмотрение объектов, недоступных непосредственному наблюдению, решение вопросов об их происхождении и эволюции невозможно без понимания, к какому типу сущего относится интересующий объект. Такое онтологическое отнесение объекта не только указывает на способ существования объекта, общие особенности его структуры и взаимодействия с другими объектами того же или иного типов, но и является первой и необходимой стадией разработки и построения определения данного объекта. Из распространенных характеристик философии, науки, математики и т.п. как «знания», как «совокупности знаний», как «вида деятельности» и как «сферы деятельности» автор принимает последнюю, отвергая остальные как требующие принятия дополнительных онтологических постулатов. Устоявшиеся, воспроизводящиеся многие

поколения области, сферы деятельности, социальной жизни автор рассматривает как один из видов социальных институтов. Вопрос о наличии в некоторой культуре в некоторое время определенного социального института также проблематичен. Для его решения необходимо обращение к дополнительным критериям. В области социального формирования тех или иных макроявлений сопровождается формированием соответствующего коллективного сознания или даже вызывается им. В силу этого, выявление коллективного осознания наличия философии (науки, математики) как особой области социальной жизни (или вида деятельности, стиля жизни) и ее отличия от других подобных областей является одним из необходимых критериев институционального существования философии. Правда, само коллективное сознание не наблюдается напрямую, но проявляется в области лексики, концептуальных конструкций, различных нарративов и т.д. Именно они становятся важными критериями формирования философии. Но самих по себе этих критериев недостаточно. Области социальной жизни функционируют как пространства формирования и взаимодействия специфических социальных групп и институций. Их наличие также является важным критерием состоявшейся институционализации. Ситуативно возможно привлечение и иных критериев. Таким образом, вопрос о возникновении (существовании) философии как особого социального института должен решаться комплексно. Кроме того, вопрос о возникновении социального института может быть решен только интервально: выявление и по возможности сужение периода непосредственной институционализации данной сферы деятельности через выявление и отделение периода, когда данного института *еще не существовало*, и периода, когда данный институт *уже существовал*.

Учитывая все эти критерии, автор считает, что философия как социальный институт возникает в Афинах в первой половине IV в. до н.э. Причем, происходит это в ходе полемики и борьбы в сфере предоставления образовательных услуг между философскими школами Платона и Исократы. Наличие двух соперничающих институций, продвигающих собственные проекты философии и философского образования, внедряющих соответствующую лексику (слова «φιλοσοφία», «φιλόσοφος» и т.п.), собственное понятийное наполнение этой лексики, различные сопутствующие нарративы, сюжеты и т.д., формирует соответствующий внешкольный дискурс о «философии» и тем самым одновременно выделяет «философию» из остальных образовательных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варден Б.Л., ван дер. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. М. 2010. 456 с.
2. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия. В 3-х тт. Т. 1. История математики с древнейших времен до начала Нового времени. М. 1970. 354 с.
3. Шиян Т.А. О незамеченной логической операции «отнесение к роду» и ее месте в логике и методологии // Логико-философские штудии. 2018. Том 16, № 1–2. С. 198–199. [Электронный ресурс]. <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/635> (дата обращения: 31.08.2024).
4. Шиян Т.А. О трактовке философии и науки как «знания» в контексте их онтологической характеристики // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1 № 3. С. 80–104. [Электронный ресурс]. <https://philosophy.hse.ru/article/view/7066> (дата обращения: 31.09.2024).
5. Мархинин В.В. Философика – наука о философии // Философия науки. 2007. № 2 (33). С. 173–176.
6. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях философов. М. 1986. 571 с.
7. Адо П. Что такое античная философия? М. 1999. 320 с.
8. Шичалин Ю.А. Сократ-пифагорец – изобретение Платона? // Шичалин Ю.А. Platonica I. Сборник статей. М. 2018. С. 26–42.
9. Сократические школы как явление античной философии и культуры. СПб. 2019. 256 с.
10. Аристофан. Комедии. Фрагменты. М. 2000. 1080 с.
11. Буркерт В. Платон или Пифагор? О происхождении слова «философия» // Философская мысль.

2017. № 3. С. 37-51.
12. Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 3. М. 1994. 656 с.
  13. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб. 2001. 240 с.
  14. Шиян Т.А. Философия и наука как институциональные формы: проблема институциональной демаркации // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2018. Т. 5 (1). С. 44–80. [Электронный ресурс]. <https://southpole.sfedu.ru/> (дата обращения: 31.08.2024).
  15. Шиян Т.А. Структура образовательных учреждений как критерий институционализации философии и науки // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 4 (6). С. 19–32.
  16. Шиян Т.А. Философия и наука: проблемы институциональной демаркации // Философия и наука: проблемы соотнесения. Алёшинские чтения – 2016: Материалы междунар. конф. Москва, 7–9 декабря 2016 г. М. 2016. С. 11–18. [Электронный ресурс]. https://www.rsuh.ru/upload/main/ff/aleshinskie_chteniya_-_2016.pdf (дата обращения: 18.12.2017).
  17. Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М. 2000. 439 с.
  18. Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. М. 1990. 863 с.
  19. Диллон Дж. Наследники Платона: Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.). СПб. 2005. 281 с.
  20. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб. 2002. 319 с.
  21. Геродот. История. М. 2007. 670 с.
  22. Προδοτος. Ἱστορία. [Электронный ресурс]. https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?page=5&text_id=30 (дата обращения: 31.08.2024).
  23. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch. Fünfte Auflage herausgegeben von Walther Kranz. Berlin. 1937-38. P. 654.
  24. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теогоний до возникновения атомистики. М. 1989. 576 с.
  25. Гераклит Эфесский. Избранные фрагменты. [Электронный ресурс]. <https://iphras.ru/page13050895.htm> (дата обращения: 31.09.2024).
  26. Дворецкий И.Х. Alpha online. Древнегреческо-русский словарь. [Электронный ресурс]. <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (дата обращения: 31.08.2024).
  27. Θουκυδίδης. Ἱστορία. [Электронный ресурс]. https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?text_id=73&page=59 (дата обращения: 31.08.2024).
  28. Фукидид. История. М. 1981. 542 с.
  29. Вольф М.Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. Новосибирск. 2014. 249 с.
  30. Горгий. Похвала Елене. Учебный комментарий. Antibarbari: Греко-латинский клуб ВШЭ. [Электронный ресурс]. http://antibarbari.ru/2022/02/16/gorgias_helen (дата обращения: 31.08.2024).
  31. Ораторы Греции. М. 1985. 496 с.
  32. Маковецкий А.О. Софисты. Вып. 1. Баку. 1940. 48 с.
  33. Адо И. Свободные искусства и философия в античной мысли. М. 2002. 479 с.
  34. Мочалова И.Н. PAIDEIA в Афинах IV в. до н. э.: «высшее образование» между деятельностью и созерцанием // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 17. Вып. 2. С. 16-25.
  35. Платон. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. М. 1993. 528 с.
  36. Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л. 1990. 192 с.
  37. *Исократ*. Бусирис // *Исократ*. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подготовил Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. С. 214-224.

REFERENCES

1. Varden B.L., van der. Probuздajushhajasja nauka: Matematika Drevnego Egipta, Vavilona i Grecii [Awakening Science: The Mathematics of Ancient Egypt, Babylon and Greece]. Moscow. 2007. 456 p. (In Russian)

2. Istorija matematiki s drevnejshih vremen do nachala XIX stoletija [The history of mathematics from ancient times to the beginning of the XIX century]. In 3 vol. Vol. 1. Istorija matematiki s drevnejshih vremen do nachala Novogo vremeni [The history of mathematics from ancient times to the beginning of Modern Times]. Moscow. 1970. 354 p. (In Russian)
3. Shijan T.A. O nezamechennoj logicheskoj operacii «otnesenie k rodu» i ee meste v logike i metodologii [On the unnoticed logical operation “assignment to the genus” and its place in logic and methodology]. In: Logiko-filosofskie shtudii [Logical and philosophical studies]. 2018. Vol. 16. № 1–2. P. 198–199. [Electronic resource]. URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/635> (accessed: 31.08.2024). (In Russian)
4. Shijan T.A. O traktovke filosofii i nauki kak «znanija» v kontekste ih ontologicheskoy harakteristiki [On the interpretation of philosophy and science as “knowledge” in the context of their ontological characteristics]. In: Philosophy Journal of the Higher School of Economics. 2017. Vol. 1 № 3. P. 80–104. [Electronic resource]. URL: <https://philosophy.hse.ru/article/view/7066> (accessed: 31.09.2024). (In Russian)
5. Marhinin V.V. Filosofika – nauka o filosofii [Philosophica is the science of philosophy]. In: Filosofija nauki [Philosophy of Science]. 2007. № 2 (33). P. 173–176. (In Russian)
6. Diogenes Laertius. O zhizni, uchenijah i izrechenijah filozofov [About the life, teachings and sayings of philosophers]. Moscow. 1989. 571 p. (In Russian)
7. Hadot P. Chto takoe antichnaja filosofija? [What is ancient philosophy?]. Moscow. 1999. 320 p. (In Russian)
8. Shichalin Ju. A. Sokrat-pifagoreec – izobrenie Platona? [Socrates the Pythagorean is Plato's invention?]. In: Shichalin Ju. A. Platonica I. Sbornik statej [Platonica I. Collection of articles]. Moscow. 2018. P. 26–42. (In Russian)
9. Sokraticheskie shkoly kak javlenie antichnoj filosofii i kul'tury [Socratic Schools as a phenomenon of Ancient Philosophy and Culture]. Saint-Petersburg. 2019. 256 p. (In Russian)
10. Aristophanes. Komedii. Fragmenty [Comedies. Fragments]. Moscow. 2000. 1080 p. (In Russian)
11. Burkert V. Platon ili Pifagor? O proishozhdenii slova «filosofija» [Plato or Pythagoras? About the origin of the word “philosophy”]. In: Filosofskaja mysl' [Philosophical Thought]. 2017. № 3. P. 37–51. (In Russian)
12. Plato. Sobranie sochinenij [Collected works]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow. 1994. 656 p. (In Russian)
13. Sokuler Z.A. Znanie i vlast': nauka v obshhestve moderna [Knowledge and Power: Science in Modern Society]. Saint-Petersburg. 2001. 240 p. (In Russian)
14. Shijan T.A. Filosofija i nauka kak institucional'nye formy: problema institucional'noj demarkacii [The philosophy and the science as institutional forms: the problem of institutional demarcations]. In: Southern Pole. Research on the history of modern Western philosophy. 2018. Vol. 5 (1). P. 44–80. [Electronic resource]. URL: <http://spolejournal.ru> (accessed: 31.08.2024). (In Russian)
15. Shijan T.A. Struktura obrazovatel'nyh uchrezhdenij kak kriterij institucionalizacii filosofii i nauki [The structure of educational institutions as a measure for institutionalization of philosophy and science]. In: Bulletin of RGGU. Series «Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie». 2016. № 4 (6). P. 19–32. (In Russian)
16. Shijan T.A. Filosofija i nauka: problemy institucional'noj demarkacii [Philosophy and science: the problem of institutional demarcation]. In: Filosofija i nauka: problemy sootnesenija. Aljoshinskie chteniya – 2016 [Philosophy and science: problems of correlation. Alyosha Readings – 2016]. Moscow. 2016. P. 11–18. [Electronic resource]. URL: https://www.rsu.ru/upload/main/ff/aleshinskie_chteniya_-_2016.pdf (accessed: 18.12.2017). (In Russian)
17. Shichalin Ju. A. Istorija antichnogo platonizma v institucional'nom aspekte [The history of Ancient Platonism in the institutional aspect]. Moscow. 2000. 439 p. (In Russian)
18. Plato. Sobranie sochinenij [Collected works]. In 4 vol. Vol. 1. Moscow. 1990. 863 p. (In Russian)
19. Dillon J. Nasledniki Platona: Issledovanie istorii Drevnej Akademii (347–274 gg. do n.je.) [The Heirs of Plato. A Study of the Old Academy (347–274 B.C.)]. Saint-Petersburg. 2005. 281 p. (In Russian)
20. Al'ternativnye social'nye soobshhestva v antichnom mire [Alternative social communities in the ancient world]. St.-Petersburg: SPbGU, 2002. (In Russian)
21. Herodotus. Istorija [History]. Moscow. 2007. 670 p. (In Russian)
22. Ηροδοτός. Ἱστορία. [Electronic resource]. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?page=5&text_id=30 (accessed: 31.08.2024).

- 31.08.2024).
23. Diels H. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und deutsch. Fünfte Auflage herausgegeben von Walther Kranz. Berlin. 1937-38. P. 654.
  24. Fragmenty rannih grecheskih filosofov [Fragments of early Greek Philosophers]. Part I. Ot jepicheskikh teogonij do vzniknovenija atomistiki [From epic theogonies to the emergence of atomistics]. Moscow. 1989. 576 p. (In Russian)
  25. Heraclitus. Izbrannye fragmenty [Selected fragments]. [Electronic resource]. URL: <https://iphras.ru/page13050895.htm> (accessed: 31.09.2024). (In Russian)
  26. Alpha online. Ancient Greek – Russian dictionary. [Electronic resource]. URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (accessed 31.08.2024).
  27. Θουκυδίδης. Ἱστορίαι [Electronic resource]. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/browse.html?text_id=73&page=59 (accessed: 31.08.2024).
  28. Thucydides. Istorija [History]. Moscow. 1981. 542 p. (In Russian)
  29. Vol'f M.N. Sofistika. Gorgij Leontijskij: traktat «O ne-sushhem, ili O prirode» v sovremennyh interpretacijah [Sophistry. Gorgias of Leontius: The treatise “About the non-existent, or About nature” in modern interpretations]. Novosibirsk. 2014. 249 p. (In Russian)
  30. Gorgias. Pohvala Elene [Praise for Elena]. [Electronic resource]. URL: http://antibarbari.ru/2022/02/16/gorgias_helen (accessed: 31.08.2024). (In Russian)
  31. Oratory Grecii [Orators of Greece]. Moscow. 1985. 496 p. (In Russian)
  32. Makoveckij A.O. Sofisty [The Sophists]. Vol. 1. Baku. 1940. 48 p. (In Russian)
  33. Hadot I. Svobodnye iskusstva i filosofija v antichnoj mysli [Liberal Arts and Philosophy in Ancient Thought]. Moscow. 2002. 479 p. (In Russian)
  34. Mochalova I.N. PAIDEIA v Afinah IV v. Do n. je.: «vysshee obrazovanie» mezhdju dejatel'nost'ju i sozercaniem [PAIDEIA in Athens IV century BC: “higher education” between activity and contemplation]. In: Vestnik of Saint Petersburg University. 2013. Ser. 17. Issue 2. P. 16-25. (In Russian)
  35. Plato. Sobranie sochinenij [Collected works]. In 4 vol. Vol. 2. Moscow. 528 p. 1993. (In Russian)
  36. Zhmud' L.Ja. Pifagor i ego shkola [Pythagoras and his school]. Leningrad. 1990. 192 p. (In Russian)
  37. Isocrates. Busiris [Busiris]. In: Isocrates. Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi [Isocrates. Speeches. Letters; Small Attic speakers. Speeches]. Moscow. 2013. P. 221-224. (In Russian)